

Несостоявшаяся реформа науки

Е.В. СЕМЕНОВ, доктор философских наук. E-mail: eugen.semenov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8159-9163

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва

Аннотация. Необходимость реформы национальной научной системы ясно осознается в России с середины 1980-х годов. Начало реформы неоднократно анонсировалось еще с периода перестройки, но наиболее последовательная попытка реформирования была предпринята лишь в начале 1990-х годов. Эта реформа дала ряд положительных частных результатов, но не привела к интеграции науки в рынок, не трансформировала научно-технологический комплекс в научно-технологическую сеть, не освободила науку от бюрократической формы организации и управления, не утвердила принципы самоорганизации и самоуправления. В 2004–2007 гг. была предпринята еще одна, в целом неудачная, попытка реформирования науки посредством ее интеграции в инновационную систему, которую пытались в те годы создать (к сожалению, тоже без особого успеха). При этом была осуществлена реставрация бюрократической административно-командной системы. В результате сегодня ослабленная российская наука оказалась перед теми же проблемами, что и треть века назад.

Ключевые слова: наука; национальная научная система; научно-технологический комплекс; научно-технологическая сеть; реформа науки; экономическая реформа; перестройка

Несмотря на неоднократные попытки реформы национальной научно-технологической системы, в течение последних трех десятилетий наука в России скорее выживала, чем развивалась. И в 2021 г. страна стоит перед необходимостью решения тех же проблем в данной сфере, что и три десятилетия назад. «Перед Россией стоит колоссальная по сложности задача не только и не столько встроиться в современную рыночную экономику, сколько сформировать основу научно-технологической устойчивости ее социально-экономического развития» (Крюков, 2020. С. 40). Эта задача осложняется тем, что за три постсоветских десятилетия отечественная наука оказалась радикально ослабленной. По словам исследователей, то, «что Россия обладает мощной наукой», является «укоренившимся заблуждением» (Клисторин, Тесля, 2020. С. 174).

Сутью реформы науки при переходе от огосударственной плановой экономики к рыночной должна была стать трансформация прежней национальной научной системы в новую,

переход от одной модели науки к другой. Дважды – в 1992–1994 гг. и 2004–2007 гг. – в России предпринимались попытки проведения реформы науки, направленной на ее адаптацию к рыночной экономике и встраивание в инновационную систему. Ни в первом, ни во втором случае поставленных целей достичь не удалось. Очевидно, во многом – из-за специфического понимания сущности реформы подмены понятий.

Реформа по своей сути – это созидательное, а не разрушительное действие; изменение системы в направлении ее развития, а не деградации; изменение целостное и системное, а не фрагментарное и хаотичное. Проведенные в России масштабные кампании по переподчинению и укрупнению организаций, по смене отчетных показателей, по переписыванию программно-концептуальных и нормативных правовых документов сами по себе реформой и не являются.

Накануне. Осознание необходимости и идея реформы

В 1970-х – начале 1980-х годов многие организаторы науки и исследователи высказывали озабоченность по поводу требующих решения проблем науки. Ясно осознавалось, что необходимы интеграция науки и образования, науки и производства, деbüroкратизация науки, развитие ее самоорганизации и самоуправления. Но тогда речь шла еще об отдельных проблемах. Казалось, что развитие социалистического общества в целом, отдельных его сфер и институтов возможно за счет совершенствования, без кардинального изменения принципов организации их жизнедеятельности.

С середины 1980-х годов характер обсуждения проблем развития общества и науки коренным образом изменился. Стали говорить о необходимости комплексной реформы как глубокого системного преобразования. Конструктивных идей, впрочем, было не много, вместо конструктивности предлагалась радикальность. Разум целенаправленной системной реформы уже отступал под напором безумия революции. Начиная с 1987 г. даже руководство правящей партии в лице М. С. Горбачева заговорило о перестройке как о «революционном» преобразовании социалистического общества.

В претенциозной книге М.С. Горбачева «Перестройка для нашей страны и для всего мира» утверждалось: «Очень важно не “засидеться” на старте, преодолеть отставание, вырваться из трясины консерватизма, сломать инерцию застоя. Это невозможно сделать эволюционно, с помощью робкой, ползучей реформы» (Горбачев, 1987. С. 48). Сам автор, возможно, считал, что набор использованных им клише является системой реальных мер, позволяющих осуществить преобразование общества. Значительная часть общества в то время уже думала глубже и видела дальше.

Во второй половине 1980-х годов в научной, инженерно-технической, преподавательской и в целом интеллектуальной среде страны бурно обсуждалась идея глубокого преобразования общества и выстраивания его на основе принципов рынка и демократии. Идеологема рынка и демократии была сутью реформаторской идеологии, выработанной советской интеллигенцией в соавторстве с частью партийной номенклатуры. Рынок и демократия были при этом скорее символами и метафорами, чем конструктивными целями, а «само требование перехода к рынку носило в своих истоках моральный, а не экономический характер» (Яременко, 1998. С. 36). В обществе доминировало представление, согласно которому рынок и демократия либо в условиях обновленного социализма (коммунисты), либо вместо социализма (оппозиционная интеллигенция) позволят стране преодолеть остро ощущавшееся критически опасное отставание от развитых стран Запада.

Огромное отставание страны в технологическом развитии признавалось даже официальной идеологией. Так, в 1989 г. М.С. Горбачев в одной из своих статей писал, что в годы «застоя» и «упущенных возможностей» в СССР «недооценили значения совершившегося переворота в науке и технике и не сделали практических шагов в этом направлении, хотя и много говорилось о необходимости соединения достижений НТР – причем новейшего его этапа – с преимуществами социализма. В результате в общественицизационном плане в ряде важных сфер и направлений мы остались как бы в прошлой технологической эпохе, а страны Запада перешли в другую – эпоху высоких технологий, принципиально новых взаимосвязей науки и производства, новых форм жизнеобеспечения людей, вплоть до быта» (Горбачев, 1989. С. 10).

Корни отставания при этом виделись (в зависимости от идеологической платформы наблюдателя) либо в технологическом базисе общества, низком научно-техническом уровне производства, пропущенной научно-технической революции, либо в экономическом и политическом строе, в социализме и коммунистической идеологии.

Сторонники идей рынка и демократии были чрезвычайно неоднородны по составу, а их временное идеологическое единство – крайне неустойчивым, ситуативным и даже иллюзорным. Своего рода манифестом этой неустойчивой эклектичной идеологии рыночно-демократической реформы советского общества, включая науку, был сборник статей «Иного не дано» [Иного не дано, 1988]. О реформе отечественной науки и всего общества в нем рассуждают такие разные по позициям и последующей судьбе исследователи, как В. Л. Гинзбург и М. Д. Франк-Каменецкий, Н. Н. Моисеев и Г. Х. Попов, Т. И. Заславская и А. В. Яблоков и др.

Уже в начале 1989 г. на первом Съезде народных депутатов СССР это единство разрушилось, и ясно обозначились две стратегии рыночно-демократических реформ – одна рассматривала рынок и демократию как способ системного преобразования социализма, другая считала их альтернативой социализму, способом избавления от него.

Непосредственно в годы перестройки государство решилось в сфере науки лишь на карикатурный хозрасчет, объявленный в 1987 г. известным Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»¹. В том же 1987 г. сменилось руководство Государственного комитета по науке и технике СССР. С этого момента началась продолжающаяся более тридцати лет кадровая и организационная чехарда в системе органов государственного управления наукой (см. об этом: [Семенов, 2000]).

Продекларированные в Постановлении радикальные изменения, включая активизацию потенциала академической и отраслевой науки, усиление взаимосвязи науки и производства, увеличение производства наукоемкой продукции, улучшение

---

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» от 30 сентября 1987 г. № 110. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 28.08.2020).

материально-технического и информационного обеспечения науки, исключение научного монополизма и в итоге – ускорение научно-технического прогресса, не произошли.

Если бы их удалось реализовать, это действительно означало бы реформу научно-технологической системы, ее продвижение (хотя бы частичное) от мобилизационной модели к инновационной, от административно-командного управления к некоторой форме самоорганизации, от иерархического принципа организации, основанного на субординации, к сетевому, опирающемуся главным образом на принципы координации. Этого не случилось, поскольку перестройка была не реформой существующей системы, а механизмом ее саморазрушения. Это относится и к науке, и к социуму в целом.

Реальная конструктивная реформа науки в годы перестройки так и не началась. Доминировали не те действия и шаги, которые могли бы конструктивно трансформировать малоэффективный, но все еще дееспособный национальный научно-технологический комплекс и обеспечить его управляемый переход в новое состояние, а действия в духе «демонтажа» и «слома», лишь повреждающие и расшатывающие прежнюю, пусть устаревшую, но целостную конструкцию. Разумеется, встает вопрос: почему все так произошло?

Перестройка как механизм саморазрушения

Перестройка запустила процесс дезорганизации и саморазрушения общества. «Сама «перестройка, – по словам Ю.В. Яременко, – поначалу ничего неожиданного не предвещала, она была очередной идеологической кампанией. Но эта кампания повлекла за собой некоторые политические сдвиги, которые сделали ситуацию неуправляемой. Они показали, до какой степени все прогнило» (Яременко, 1998. С. 116).

Соглашаясь с оценкой утраты управляемости как ключевого фактора процесса разрушения общества, не могу согласиться с первоначально чисто идеологическим характером перестройки. Это был исходно процесс демонтажа политической системы. В 1990–1991 гг. автор имел возможность общаться с рядом людей из окружения руководства страны. По одному из свидетельств, «в своем кругу» М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе говорили, что «главная задача – это ликвидация самодержавия

КПСС». Именно успешное решение этой задачи привело к утрате управляемости и в конечном итоге – к обрушению всей системы.

Тем не менее Ю. В. Яременко предложил, полагая, наиболее верное объяснение того, из чего возникла перестройка и что предопределило ее закономерный итог. Сделано это им не в публикациях, а в выступлениях и частных беседах, в том числе – с автором этих строк. К счастью, замечательные записи своих бесед с Ю. В. Яременко сделал его коллега С. А. Белановский [Яременко, 1998]. По Ю. В. Яременко, причины саморазрушения общества коренятся в особом пирамидальном устройстве советского общества и в той роли, которую в нем играла бюрократия.

К сталинскому периоду он относит формирование «социальных страт с разным уровнем привилегий», в результате чего сложилось общество, которое «было сословным, причем каждое вышестоящее сословие обладало определенными привилегиями». Это была «иерархия социальных сред», «иерархически построенная система социальных гарантий» [там же. С. 111]. Такая система обеспечивала «высокую мотивацию продвижения по социальной лестнице» [там же. С. 30].

Аналогичным образом выстраивалась «технологическая структура экономики». Она имела «пирамидальное строение», иерархию «технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов» [там же. С. 102]. Технологическую и социальную пирамиды объединял лежащий в их основе принцип распределения ресурсов. «Вся социальная структура нашего общества, – по Ю. В. Яременко, – в какой-то степени была подстроена под структуру распределения ресурсов, коррелировала с ней» [там же. С. 110].

Резюмируя множество высказываний Ю. В. Яременко, можно сказать, что советское общество рассматривалось им как пирамида, состоящая из четырех ступеней. Первую из них заполняли массы самых пораженных в своих правах граждан – заключенные (зэки), вторую – беспаспортное крестьянство, третью – рабочие и другие рядовые горожане, четвертую – номенклатура. Учитывая урбанизацию, сокращение доли сельского населения и доли нижней страты, Ю. В. Яременко говорил, что пирамида все больше приобретает форму бочки

Такое общественное устройство побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень.

Только номенклатуре некуда было расти внутри системы, и она ориентировалась на границу – устраивала детей в соответствующие вузы и последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п. (вилл и яхт тогда еще не было). Именно номенклатура оказалась источником перестройки и главным бенефициаром краха общественной системы. Номенклатурная верхушка, прежде всего ее коррумпированная часть, разрушила всю пирамиду в процессе перестройки.

Общество в целом было плохо готово к другому варианту развития (собственно к реформе), а наука – еще в меньшей степени, что и было «экспериментально установлено» в ходе реформы начала 1990-х гг. «В 1992 году форсированный переход к рыночным отношениям в сфере исследований и разработок, жесткая (по крайней мере, в отношении науки) бюджетная политика усилили многие негативные тенденции, сложившиеся в 80-х годах, и способствовали формированию новых. ... В целом наука еще в меньшей степени, чем производство, была подготовлена к изменениям механизма ее финансирования» [Яременко, 1997. С. 417]. До распада СССР и советской системы реформа науки реально даже не началась. Перестройка же, как показано выше, была не реформой, а механизмом саморазрушения советской системы и СССР как государства.

Первая попытка реформы науки (1992–1994 гг.)

Первая в постсоветской России реальная попытка реформирования научно-технологической системы прочно связана с именем министра Б.Г. Салтыкова. Анализируя ее характер и последствия, важно иметь в виду, что Россия переживала в 1992 г. тяжелейший кризис во всех сферах жизни и деятельности. Наука была частью рушащегося мира. Важно также помнить, что в «реформах Гайдара» места науке не было. И она сама, и ее будущее были самой несущественной частью интересов новой власти, связанных с форсированным разгосударствлением и скорейшим формированием «класса собственников».

Скорость преобразований тогда ставилась выше качества и эффективности. Кому пришлось в то время взаимодействовать с министерствами и правительством, хорошо знают, что в тех кругах открыто говорилось – не важно, в какие руки перейдет собственность, первоначальный состав класса собственников

не может быть качественным и эффективным, зато потом «пена сойдет», и рынок все расставит по своим местам.

Характерно, что и через четверть века главным результатом реформ Е. Т. Гайдара ее бенефициары считают именно и только появление в стране частной собственности, оставляя без внимания вопросы способов ее формирования, качества возникшего класса собственников и цены, заплаченной страной за «первоначальное накопление». Так, в 2016 г. О. В. Вьюгин говорил, что «если одним словом назвать суть реформ 90-х годов, то это – частная собственность... Все остальное – это то, что должно было последовать за частной собственностью [Российская экономика..., 2016. С. 6]. По его мнению, главное, что «все-таки произошло юридическое оформление прав собственности на советское наследие... Наследие было очень богатое, и произошло юридическое оформление частной собственности на средства производства» [там же. С. 7].

Полемизируя с этой точкой зрения, академик В. М. Полтерович заметил, что, по подсчетам А. Маркевича и М. Харрисона [Маркевич, Харрисон, 2013], «относительные потери ВВП в 90-е годы в России были выше, чем суммарные потери за годы террора и годы Второй мировой войны. При оценке реформ мы должны абстрагироваться от этих потерь или все-таки их тоже учесть?» [Российская экономика..., 2016. С. 18].

О том, что в реформе Гайдара не было места науке, свидетельствует правительственная «Программа углубления экономических реформ»² (подробнее об этом см. [Семенов, 1996. С. 448–450]. Гайдаровская реформа не учитывала науку даже в качестве элемента преобразуемой системы, не говоря уже об использовании потенциала науки в процессе этих преобразований.

И все же наука в начале 1990-х годов была неотъемлемой частью происходившего процесса разгосударствления и связанного с ним переформатирования всех сфер жизнедеятельности общества. Никаких ресурсов на реформу науки не выделялось. Что-то сделать можно было только за счет перераспределения крайне скудного текущего финансирования, а также за счет изменения способов финансирования и организации исследований.

---

² Программа углубления экономических реформ. М., 1992.

Хотя Б.Г. Салтыков возглавлял министерство науки (неоднократно реформативировавшееся и менявшее свое название), с ноября 1991 г. по июнь 1996 г., реформаторским является только период с 1992 г. по 1994 г. [Семенов, 2009. С. 33-38].

Главным программно-концептуальным документом реформы, содержащим наиболее полное изложение ее замысла, являются «Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992–1993 годах»³. Интерес представляет также интервью Б.Г. Салтыкова журналу «Науковедение» [Салтыков, 2002]. «Основные положения» основаны на идеях, по признанию Б.Г. Салтыкова, выработанных им и его научной командой в годы работы в ЦЭМИ АН СССР, ИНП АН СССР и Аналитическом центре по проблемам социально-экономического и научно-технического развития АН СССР. В 1990-х, а отчасти и 2000-х годах реформаторские действия основывались на круге идей из «Основных положений».

В документе отмечены некоторые недостатки советской научной системы, на преодоление которых должна быть направлена реформа. Выделены «консерватизм», «низкие адаптивные возможности» и «глубокий структурный кризис» науки. В разделе «Концепция реформы» определены семь приоритетов государственной научной политики, в том числе: избирательная, выборочная поддержка научных исследований и научных организаций; сохранение лучших российских научных школ за счет стабильного бюджетного финансирования; демилитаризация и конверсия сферы НИОКР; разгосударствление и адаптация сферы НИОКР к рыночным принципам; переход от финансирования научных организаций к финансированию целевых проектов и программ; обеспечение множественности источников финансирования; создание региональных фондов поддержки научно-технического развития.

Как мы видим, предполагалось кардинальное изменение системы финансирования научных исследований: переход от государственного финансирования целостной научной системы из федерального бюджета к выборочному финансированию отдельных ее частей из множественных источников, от финансирования всех научных организаций (и только организаций)

---

³ Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992-1993 годах//Курьер российской науки и высшей школы. 1992. № 4.

к выборочной поддержке организаций, проектов, программ, научных школ. Предполагалось также радикальное изменение взаимодействия науки с практикой за счет сокращения ее связей с оборонно-промышленным комплексом («демилитаризации» и «конверсии») и ее адаптации к рыночным принципам.

В «Основных положениях» реформаторская политика структурировалась по ее «элементам», понимаемым как «приоритетные направления» инновационного развития и как «задачи» использования имеющегося инновационного потенциала. В разделе «Основные элементы научно-технической политики ближайшего и перспективного периода» выделены четыре приоритетных направления и три группы задач.

В качестве первых предусмотрены: работы межотраслевого характера по созданию, освоению и распространению техники и технологий, приводящих к кардинальным изменениям в технологическом базисе страны; работы по крупным отраслевым научно-техническим проектам, требующие масштабной концентрации ресурсов, которые не под силу отдельным предприятиям; научно-техническое обеспечение реализации социальных целей, включая развитие здравоохранения, образования, культуры, окружающей среды, инфраструктуры; направления научно-технического прогресса, связанные с международным разделением труда и внешнеэкономической деятельностью государства.

Бросается в глаза чисто технократический характер выделения приоритетных направлений инновационного развития и явно государственный способ их поддержки. Никакой адаптации к рыночным принципам, никакого разгосударствления и никаких множественных источников финансирования «Основные положения» реально не предусматривают, несмотря на объявленные в них приоритеты научно-технической политики.

В документе выделены три группы задач: использование имеющегося в стране, прежде всего в оборонных отраслях промышленности, крупного инновационного потенциала; концентрация НИОКР; гибкое сочетание в финансировании бюджетных ресурсов и средств заинтересованных предприятий и организаций, а также создание инновационных фондов и страховых компаний, объединяющих средства государства и коммерческих структур.

Можно констатировать, что «Основные положения» – это документ, нацеленный на разгосударствление и рыночную

ориентацию науки, ее интеграцию в инновационную систему, на развитие в науке самоорганизации и самоуправления. Иными словами, предусматривалась трансформация государственного научно-технологического комплекса в научно-инновационную систему, интегрированную в рынок.

Об этом говорил тогда и Президент РФ Б. Н. Ельцин в своем Послании Федеральному собранию: «смысл» развития науки «сейчас предельно ясен: нужна естественная интеграция науки в новые рыночные условия»⁴.

На беду, такого рынка, в который можно было интегрировать науку, в России начала 1990-х годов не было, нет его и в настоящее время. Да и сама наука была крайне слабо подготовлена к подобной интеграции, не готова она к этому и сейчас. Государство ни тогда, ни теперь не проводило и не проводит последовательной политики, направленной на такую интеграцию. Спустя четверть века после принятия «Основных положений» в стране так и не сложилась дееспособная инновационная система, а наука так и не встроеилась в рынок (подробнее см.: [Семенов, 2013]). Вместо разгосударствления с начала 2000-х годов наблюдается процесс повторного огосударствления науки [Семенов, 2012]. Вместо самоорганизации утвердились бюрократические механизмы и формы управления в их наихудшем виде [Семенов, 2020].

Если в 1992–1994 гг. команда реформаторов в условиях тяжелейшего кризиса смогла реализовать какую-то часть своих замыслов, то с 1995 г. началась явная стагнация реформы, она боролась уже просто за свое выживание в системе государственной власти. А после 1998 г., когда дефолт подвел черту под прежним вектором социально-экономического развития страны, и особенно после 2000 г., когда приоритетом стало усиление роли государства, с нарастающей скоростью происходило новое огосударствление всей экономики и сферы НИОКР, переросшее после 2012 г. в реставрацию бюрократической административно-командной системы.

К наиболее важным практическим результатам реформирования науки 1992–1994 гг. нужно отнести прежде всего: сохранение наиболее ценной части отраслевой науки за счет создания системы государственных научных центров и их объединения

---

⁴ Послание Президента России Б. Н. Ельцина Федеральному собранию РФ «Об укреплении Российского государства» 1994 г. URL: <http://www.intelros.ru/2007/02/04>

в Ассоциацию ГНЦ; учреждение государственных фондов поддержки инновационной деятельности, включая Российский фонд технологического развития (1992 г.) и Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (1994 г.); учреждение государственных фондов поддержки научных исследований, включая Российский фонд фундаментальных исследований (1992 г.) и Российский гуманитарный научный фонд (1994 г.); подготовку и принятие в 1996 г. первого в истории страны ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

При этом министерской команде реформаторов совершенно не удалось смягчить и сделать управляемым процесс обвального сокращения сферы НИОКТР, сделать управляемым и полезным для отечественной науки процесс подключения к глобальной системе циркуляции научных кадров, превратившийся, по сути, в «утечку мозгов» – потерю для России большей части активных и наиболее востребованных мировой наукой исследователей.

Как пишет М. Ф. Черныш, «легкомысленное отношение» к утечке умов приводит к тому, что «национальная наука медленно, но верно сползает к периферийным позициям, становится практически во всем зависима от зарубежных научных центров, а далее, если ее деградация продолжится, войдет в «мерцающую фазу», когда какие-то ученые в стране есть, но реального научного производства нет, или оно совсем вторично» [Черныш, 2020. С. 53].

Почти полвека потребовалось для принятия первого в отечественной истории закона о науке (подробнее см. [Филь, 2019]). Но документ, сложенный из трех концептуально отличающихся друг от друга проектов, оказался во многом эклектичным, не побуждающим науку к реформе и к принятию на себя активной роли в жизнедеятельности общества. Впрочем, все последующие попытки разработки нового закона о науке оказывались еще хуже, особенно карикатурный законопроект, разработанный в 2019 г. под руководством М. Б. Лукашевич. Его обсуждению был посвящен круглый стол журнала «Управление наукой: теория и практика» в июле 2019 г.⁵

---

⁵ Круглый стол: Проект Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 13–50.

Вторая попытка реформы науки (2004–2007 гг.)

В начале 2000-х годов Президентом РФ В. В. Путиным была провозглашена и с задержкой в несколько лет фактически начата активная научно-технологическая политика, связанная с именем министра А. А. Фурсенко, означавшая вторую попытку реформы, опиравшейся в основном на комплекс идей, провозглашенных и частично реализованных в начале 1990-х годов. Общие принципы этой политики многократно формулировались и публично обосновывались министром А. А. Фурсенко.

Автор проанализировал 217 текстов министра (в основном интервью и публичных выступлений) периода 2004–2011 гг., в которых постоянно утверждалось, что государство обязано заниматься в научно-технологической сфере тремя вопросами: приоритетами, научной средой, а также инновационной системой.

Начиная с 2004 г., министр настойчиво повторял, что «самое главное сегодня – выстроить приоритеты»⁶, что наряду с приоритетами «главная задача» – «это сохранение среды для генерации знаний»⁷, что «есть две составляющие поддержки науки. Первое – необходимость сохранить среду, в которой создаются знания... Второе. Мы должны где-то выделить научные приоритеты и поддерживать их»⁸, что «наряду с поддержкой приоритетов государство должно обеспечивать сохранение научной среды, где возникают новые знания, поддержку ведущих научных школ, университетов»⁹.

«Среда» при этом всегда связывалась с сущностью и спецификой науки, с культурно-историческими особенностями и традициями. «Приоритеты» понимались и как собственно научные, и как инновационные научно-технологические, связанные с рынком, практическими запросами бизнеса и государства.

Для жизни в условиях рынка требовалась глубокая реформа науки. «Вариантов никаких нет, нам не надо даже обсуждать, стоит или не стоит реформироваться. Мы все равно будем

---

⁶ Фурсенко А. Венчурные инвестиции придут с сильными проектами // Российская Бизнес-газета. 2004. 12. окт. № 480.

⁷ Две концепции. Интервью с Андреем Фурсенко, министром образования и науки РФ [Эл. ресурс] РИА Наука. URL: <https://ria.ru/20041015/707695.html>

⁸ Ваганов А. Президента РАН должен утверждать Президент страны // Независимая газета. 2005. 29 июня.

⁹ Министр образования и науки Андрей Фурсенко: «Нашей науке надо преодолеть высокомерие» // Известия. 14.08.2006. № 146.

реформированы, просто в одном случае нас как щепку в потоке будет бросать в разные стороны, или мы все-таки начнем управлять этим движением»¹⁰. От способности работать в рынке зависит будущее самой науки – «Если бизнес не начнет инвестировать научные исследования, науке, даже с помощью государства, не удастся преодолеть кризис»¹¹.

Задача поддержки приоритетов была тесно связана с созданием инновационной системы, включая центры трансфера технологий, технопарки, страховые фонды, кредитные организации и т.д. «Все это и должно построить государство. Добавьте сюда и огромный пакет нормативно-правовых актов, которые должны снять барьеры на пути коммерциализации научных разработок»¹².

Но между декларируемой ГНТП и реальной системой действий государства не было полного совпадения ни по объему, ни по смыслу. Наиболее вредным был эффект фактического вытеснения бизнеса государством из процесса финансирования науки. Государство, вместо того, чтобы стимулировать весьма слабый интерес бизнеса к научным разработкам и всемерно поддерживать крайне слабый интерес науки к бизнесу, просто влезло между бизнесом и наукой с ФЦП.

Министр А. А. Фурсенко многократно говорил о негативных последствиях этой, по его словам, «опасной тенденции», когда «растущее бюджетное финансирование научной, инновационной сферы не становится катализатором привлечения внебюджетных средств, а служит для их замещения. Соответственно, доля привлеченных средств вместо того, чтобы расти, падает, и если так будет продолжаться, то и “казенная кормушка” прикроется» [Соснова, 2008]. Такая политика не провозглашалась, но, получается, реально проводилась с помощью поддержки предложения, а не спроса, что осуществлялось посредством «казенной кормушки» ФЦП. Это совсем не государственно-частное партнерство (ГЧП), деклариовавшееся в качестве принципа политики, а простое вытеснение бизнеса государством и переориентация науки на привычное для нее бюджетное финансирование.

---

¹⁰ Две концепции. Интервью с Андреем Фурсенко, министром образования и науки РФ [Эл. ресурс] РИА Наука. URL: <https://ria.ru/20041015/707695.html>

¹¹ Министр образования и науки Андрей Фурсенко. Указ. соч.

¹² *Медведев Ю.* Разминировать поле чудес // Российская газета. 2004. 24 нояб.

Эксперты ОЭСР также отмечали, что «вместо стимулирования спроса на первый план выдвигается предложение, а государственное финансирование инноваций канализируется через набор инструментов, которые вытесняют бизнес-инвестиции»¹³, что российская политика, «которая унаследовала от советской эпохи подход к инновациям, основанный главным образом на факторе предложения, должна обратить большее внимание на спрос и роль потребителей в предложении и формировании инноваций»¹⁴. Неудача в создании инновационной системы предрепределила поворот к радикальному изменению государственной научно-технологической политики в 2012–2013 гг.

***

Таким образом, реформа науки на практике оказалась романтическим прожектерством. Интеграции науки в рынок не произошло ни в 1990-х гг., ни последующие годы. Все ее проблемы остались на своем месте и только обострились за потерянное время.

Эти проблемы коренятся в крайне несовременной дисциплинарной и должностной структуре российской науки, в ее низком ресурсном обеспечении, в деградации, вызванной политикой принуждения ученых к производству отчетных показателей вместо решения реальных задач и политикой подавления национального языка, превращающих русскоязычную науку в науку мусорных журналов, отнимающей у русского языка статус языка передовой науки, что представляет угрозу и для сохранения качественного образования на русском языке, и для сохранения его как языка межнационального общения.

Причины прогрессирующей деградации российской науки исследователи видят обычно либо в «недофинансировании», либо в «невостребованности», либо в «плохом управлении». В действительности имеют место и эти, и многие другие негативные факторы. Более того, все эти факторы взаимодействуют, создавая синергетический эффект.

---

¹³ Обзоры ОЭСР по инновационной политике: Российская Федерация. М., 2011. [С. 15].

¹⁴ Там же. [С. 23].

Недофинансирование во многом объясняется невостремленностью, отсутствием платежеспособного спроса на науку. Плохое управление создает условия для отсутствия такого спроса. При этом автор в целом согласен с Н.В. Путило и Ю.И. Шуплецовой, которые резонно отмечают, что «главная проблема российской науки – в плохом управлении, причем практически на всех уровнях» [Путило, Шуплецова, 2019. С. 98]. Для исправления ситуации начинать нужно с этого конца.

Литература

- Горбачев М. С.* Перестройка для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1987. 271 с.
- Горбачев М. С.* Социалистическая идея и революционная перестройка// Коммунист. 1989. № 18. С. 3–20.
- Иного не дано. М.: Прогресс. 1988. 680 с.
- Клисторин В. И., Тесля П. Н.* Альтернативные взгляды на экономику: Сочинения Г.И. Ханина //ЭКО. 2020. № 19. С. 169–192. DOI: 10.30680/ЕКО 0131–7652–2020–9–169–192
- Крюков В. А.* О взаимосвязи и взаимодействии, экономической, промышленной и научно-технологической политик//Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/smtpr. 2020.2.2.1
- Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.
- Путило Н. В., Шуплецова Ю. И.* Правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации: общие тенденции через призму частных проблем //Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 96–109. DOI: 10.19181/smtpr. 2019. 1.1.3
- Российская экономика: обособленность и устойчивость. К 25-летию рыночных реформ. Вып. 83. М.: Никитский клуб. 2016. 54 с.
- Салтыков Б. Г.* Актуальные вопросы научно-технической политики //Науковедение. 2002. № 1. С. 50–68.
- Семенов Е. В.* О задаче возвращения профессионалов в систему управления наукой//Управление наукой: теория и практика 2000. Т. 2. № 2. С. 93–116. DOI: 10.19181/smtpr. 2020.2.2.4
- Семенов Е. В.* Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России //Наука. Инновации. Образование. 2013. № 13. С. 7–32.
- Семенов Е. В.* Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций //Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 69–93. DOI: 10.19181/smtpr. 2020. 2.1.4
- Семенов Е. В.* Россия с наукой и без науки. М.: Языки славянской культуры. 2009. 168 с.
- Семенов Е. В.* Российский научно-технологический комплекс в 2000–2010 гг. //Наука. Инновации. Образование. 2012. № 12. С. 7–19.
- Семенов Е. В.* Явь и грезы российской науки. М.: Наука. 1996. 480 с.
- Соснова А.* Ода авантюре // Поиск. 2008. 20. июня. № 24–25.

Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 58–69. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.3

Черныш М. Ф. Реформа российской науки как институциональное конструирование // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2

Яременко Ю. В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука. 1997. 479 с.

Яременко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики наук, 1998. 343 с.

Статья поступила 23.09.2020.

Статья принята к публикации 19.10.2020.

Для цитирования: Семенов Е. В. Несостоявшаяся реформа науки // ЭКО. 2021. № 3. С. 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139.

Summary

Semenov, E.V., Doct. Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow

A Failed Reform of Science

Abstract. The necessity to reform the national system of science has been clearly recognized in Russia since the mid-1980s. The start of reform has repeatedly been announced. But during the perestroika period, the reform of science was never even started. The most consistent reform effort was made in the early 1990s. This reform produced a number of some positive results, but did not lead to an integration of science into the market system, did not transform the scientific and technological complex into a scientific and technological network, did not free science from the bureaucratic form of organization and governance, did not approve the principles of self-organization and self-government. In 2004–2007, another, generally unsuccessful, attempt has been made to reform science by integrating it into the innovation system, which they tried to create (unfortunately, without success) in those years. As a result of failures to reform the national scientific system and a successful restoration of the bureaucratic administrative-command system, a weakened Russian science is faced with the same problems as a third of a century ago.

Keywords: *Reform of science; the national science system; the science and technological complex; the science and technological network; scientific reform; economic reform; perestroika*

References

Chernysh, M.F. (2020). Reform of a Russian science as an institutional constructing. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.2> (In Russ.).

Fil', M.M. (2019). Bills for science: history and modernity. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1. No. 2. Pp. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.3> (In Russ.).

- Fursenko, A. (2004). Venture capital investments will come with strong projects. *Russian Business newspaper*. October 12. (In Russ.).
- Gorbachev, M.S. (1987). *Perestroika for our country and for the whole world*. Moscow. Politizdat Publ. 271 p. (In Russ.).
- Gorbachev, M.S. (1989). *The socialist idea and revolutionary perestroika*. *Kommunist*. No. 18. Pp. 3–20. (In Russ.).
- Klistorin, V.I. and Teslya, P.N. (2020). Alternative views on the economy: Works of G.I. Khanin. *ECO*. No. 19. Pp. 169–192. DOI: 10.30680/EKO 0131–7652–2020–9–169–192 (In Russ.).
- Kryukov, V.A. (2020). On the Interconnection and Interaction of Economic, Industrial and Scientific-technological Policies. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 15–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.1> (In Russ.).
- Markevich, A. and Harrison, M. (2013). *World war I, civil war, and reconstruction: Russia's national income in 1913–1928*. Moscow. Mysl' Publ. (In Russ.).
- Nothing else is given*. (1988). Moscow. Progress Publ. 680 p. (In Russ.).
- Putilo, N.V. and Shupletsova, Y.I. (2019). Legal regulation of scientific activity in the Russian Federation: general trends through prism of private problems. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1. No. 1. Pp. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.1.3> (In Russ.).
- Russian economy: isolation and stability. On the 25th anniversary of market reforms*. (2016). Iss. 83. Moscow. Nikitskii Klub Publ. 54 p. (In Russ.).
- Saltykov, B.G. (2002). Current issues of scientific and technical policy. *Naukovedenie*. No. 1. Pp. 50–68. (In Russ.).
- Semenov E.V. (2020). Production of indicators as a mechanism for suppression of production of knowledge, technology and competencies. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 1. Pp. 69–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.4> (In Russ.).
- Semenov, E.V. (1996). *Reality and dreams of Russian science*. Moscow. Nauka Publ. 480 p. (In Russ.).
- Semenov, E.V. (2012). Russian scientific and technological complex in 2000–2010. *Science. Innovation. Education*. No. 12. Pp. 7–19. (In Russ.).
- Semenov, E.V. (2013). Experiments with manual control of a scientific and technological complex in post-Soviet Russia. *Science. Innovation. Education*. No. 13. Pp. 7–32. (In Russ.).
- Semenov, E.V. (2020). On the return of the professionals to the governance of science. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 93–116. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.2.4> (In Russ.).
- Sosnova, A. (2008). An ode to adventure. *Poisk*. No. 24–25. June 20. (In Russ.).
- Yaremenko, Yu.V. (1997). Forecasts of national economy development and economic policy options. Moscow. Nauka Publ. 479 p. (In Russ.).
- Yaremenko, Yu.V. (1998). *Economic conversations*. Moscow: Tsentr issledovaniy i statistiki nauk publ. 343 p. (In Russ.).

For citation: Semenov, E.V. (2021). A Failed Reform of Science. *ECO*. No. 3. Pp. 122–139. (In Russ.). DOI: 10.30680/EKO0131-7652-2021-3-122-139.